УДК 343

Незаконный наем в системе экстремистской и террористической деятельности: проблемы уголовно-правовой квалификации и охраны конституционной безопасности

Илья Михайлович Пшеничнов
Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, Нижний Новгород, Россия, pshenichnov.im@skspba.ru, SPIN-код: 6373-6588

Аннотация. Статья посвящена исследованию незаконного найма как самостоятельного механизма вовлечения лиц в экстремистскую и террористическую деятельность. Обосновывается, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации охватывает соответствующие формы поведения фрагментарно: отдельные элементы незаконного найма распределены между нормами о вербовке, ином вовлечении, финансировании, участии в запрещенных объединениях, содействии террористической деятельности и наемничестве в узком смысле. Уточняется уголовно-правовая природа незаконного найма, выявляются его отличия от подстрекательства, финансирования, участия в экстремистском или террористическом объединении и наемничества, предусмотренного ст. 359 Уголовного кодекса Российской Федерации[1]. В этой связи обосновывается необходимость более последовательной нормативной концептуализации незаконного найма как самостоятельного объекта уголовно-правового воздействия в целях укрепления конституционной безопасности.

Ключевые слова: незаконный наем, экстремистские преступления, террористические преступления, конституционная безопасность, уголовно-правовая квалификация, вербовка, вовлечение в преступную деятельность, финансирование терроризма

Для цитирования: Пшеничнов И.М. Незаконный наем в системе экстремистской и террористической деятельности: проблемы уголовно-правовой квалификации и охраны конституционной безопасности // Правда и закон. 2026. № 2(36). С. 40–47.

Illegal recruitment within extremist and terrorist activity: issues of criminal law qualification and the protection of constitutional security

Ilya M. Pshenichnov
Nizhny Novgorod branch SK RF SPb Academy, Nizhny Novgorod, Russia, pshenichnov.im@skspba.ru, SPIN: 6373-6588

Abstract. The article examines illegal recruitment as an independent mechanism for involving individuals in extremist and terrorist activities. It is argued that the current criminal legislation of the Russian Federation covers the relevant forms of conduct in a fragmented manner: individual elements of illegal recruitment are dispersed among provisions on recruitment, other forms of involvement, financing, participation in prohibited associations, assistance to terrorist activity, and mercenarism in its narrow sense. Clarifies the criminal law nature of illegal recruitment and identifies its differences from incitement, financing, participation in extremist or terrorist associations, and

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

© Пшеничнов И.М., 2026

mercenarism under Article 359 of the Criminal Code of the Russian Federation. In this regard, the article substantiates the need for a more coherent normative conceptualization of illegal recruitment as an independent object of criminal law regulation for the purpose of strengthening constitutional security.

Keywords: illegal recruitment, extremist crimes, terrorist crimes, constitutional security, criminal law qualification, recruitment, involvement in criminal activity, terrorist financing

For citation: Pshenichnov I.M. Illegal recruitment within extremist and terrorist activity: issues of criminal law qualification and the protection of constitutional security // Truth and law. 2026. № 2(36). P. 40–47.

Современные формы экстремистской и террористической преступности характеризуются не только идеологической мотивацией и организованностью, но и устойчивым использованием специальных механизмов вовлечения новых лиц в преступную деятельность. В научной литературе при этом обоснованно отмечается, что такая радикальная криминальная активность в современных условиях может выступать одним из векторов более сложных деструктивных процессов [1, с. 305–306]. Одним из таких механизмов является незаконный наем. Его уголовно-правовая оценка осложняется тем, что действующее законодательство не рассматривает соответствующее поведение как единую самостоятельную конструкцию: отдельные элементы найма рассредоточены между нормами о вербовке, ином вовлечении, финансировании, участии в запрещенных объединениях, содействии террористической деятельности и наемничестве в узком смысле. В результате на уровне квалификации возникает не только конкуренция норм, но и более глубокая методологическая проблема: неясно, в каких случаях речь идет о разновидности соучастия, в каких о специальной форме преступного вовлечения, а в каких о самостоятельном инфраструктурном элементе экстремистской или террористической деятельности.

Указанная проблема имеет не локальный, а системный характер, поскольку незаконный наем, экстремизм и терроризм в современных условиях функционируют как взаимосвязанные элементы единой криминальной угрозы [2, с. 157]. Их сопряжение усиливается глобализацией, цифровизацией и трансграничностью коммуникаций, вследствие чего вовлечение новых лиц приобретает более латентный и воспроизводимый характер.

Постановка вопроса о незаконном найме требует предварительного ограничения предмета исследования. Для целей уголовно-правового анализа под незаконным наймом в рассматриваемой сфере нецелесообразно понимать всякое склонение к совершению преступления за вознаграждение. Такой широкий подход стирает границу между общими положениями о подстрекательстве и специальными нормами Особенной части. Более точным представляется понимание незаконного найма как противоправного привлечения лица к участию в экстремистской или террористической деятельности посредством обещания либо предоставления имущественного вознаграждения, иного материального блага, социальных преимуществ или функционально тождественного встречного предоставления, если такое привлечение направлено либо на совершение конкретного преступления экстремистской или террористической направленности, либо на включение лица в обеспечивающую инфраструктуру соответствующей запрещенной деятельности. В этой формуле существенны сразу несколько признаков: противоправный характер вовлечения, наличие встречного блага как средства мотивации, специальная направленность на экстремистскую или террористическую деятельность и функциональная связь действий вербующего с воспроизводством преступной среды, а не только с отдельным преступным эпизодом.

Именно последний признак позволяет отграничить незаконный наем от обычного подстрекательства. Подстрекательство в общей конструкции соучастия описывает воздействие на волю конкретного исполнителя с целью склонить его

к совершению определенного преступления. Незаконный наем в экстремистско-террористическом сегменте выполняет более сложную функцию. Он ориентирован не только на побуждение к разовому акту поведения, но и на формирование кадрового ресурса запрещенной деятельности. Поэтому его общественная опасность определяется не одним лишь фактом склонения, а созданием канала преступной мобилизации, через который радикальные структуры получают исполнителей, посредников, логистов, пропагандистов и иных участников. Если это функциональное отличие игнорируется, то найм растворяется либо в подстрекательстве, либо в финансировании, что ведет к утрате его самостоятельного криминологического и уголовно-правового содержания.

Вместе с тем недопустимо смешивать незаконный наем с любой формой идеологического влияния. Не всякая радикализация образует наем, как и не всякая вербовка предполагает встречное вознаграждение. Для уголовно-правовой квалификации принципиален критерий, позволяющий отделить идеологическое склонение от найма как специального способа вовлечения. Таким критерием выступает функциональная роль обещанного или предоставленного блага в механизме воздействия на вовлекаемое лицо. Если благо служит самостоятельным мотивирующим средством, направленным на преодоление внутреннего барьера участия и на включение лица в запрещенную деятельность, то имеются основания говорить о найме. Если же материальная поддержка носит вспомогательный характер и предоставляется уже после сформированной готовности к участию, вопрос смещается в плоскость финансирования или материального обеспечения. Следовательно, для разграничения найма и финансирования решающее значение имеет не сам факт передачи средств, а место этой передачи в общем механизме преступного вовлечения.

В рассматриваемой сфере найм редко существует в изолированном виде. Как правило, он сочетается с вербовкой, идеологической обработкой, обучением, конспиративным сопровождением и последующим распределением ролей. Однако это обстоятельство не отменяет необходимости выделять собственное юридическое ядро найма. В противном случае квалификация начинает строиться по внешним формам поведения, а не по их уголовно-правовой функции. Именно здесь обнаруживается типичная ошибка правоприменения: действия, образующие единый механизм противоправного привлечения лица к экстремистской или террористической деятельности, дробятся на несвязанные эпизоды – отдельно склонение, отдельно передача денег, отдельно коммуникация, отдельно участие в организации. Такой подход формально воспроизводит текст закона, но содержательно не раскрывает, что перед нами единый процесс создания и использования преступного человеческого ресурса.

Особую сложность представляет соотношение незаконного найма со специальными нормами террористического блока. В ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) законодатель уже предусмотрел ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение ряда террористических преступлений, а также за вооружение, подготовку и финансирование. Из этого следует, что в случаях, когда действия виновного выражаются именно в привлечении другого лица к террористическому преступлению, приоритет должна получать специальная норма, а не общая конструкция подстрекательства. Тем не менее даже здесь проблема не исчерпывается. Статья 205.1 УК РФ охватывает вербовку и иное вовлечение, но сами эти понятия в уголовном законе специально не раскрываются [3, с. 633–635]. Поэтому уголовный закон фиксирует общий результат воздействия на вовлекаемое лицо, но не всегда позволяет точно показать, каким именно способом этот результат достигался и в чем состояла повышенная общественная опасность возмездного рекрутирования.

В экстремистском сегменте регулирование еще менее цельно. Нормы о создании экстремистского сообщества, об организации деятельности экстремистской

организации и об участии в них предусматривают ответственность также за вовлечение новых лиц, однако такое вовлечение привязано преимущественно к определенным организационным формам. Отсюда возникает асимметрия: в террористическом блоке закон в большей степени ориентирован на пресечение вербовочных действий как таковых, тогда как в экстремистском блоке вовлечение чаще рассматривается через призму включения лица в конкретное объединение. Для квалификации это имеет принципиальное значение. Если лицо склоняется к совершению отдельного экстремистского преступления вне рамок формально установленной организационной структуры, уголовно-правовая оценка может оказаться менее определенной, чем в аналогичной террористической ситуации. Следовательно, нормативная модель в ее нынешнем виде не обеспечивает единообразного подхода к возмездному вовлечению в идеологизированную насильственную деятельность.

Самостоятельного разграничения требует соотношение незаконного найма с участием в запрещенных объединениях. Здесь существенным является момент окончания соответствующих деяний. Участие в экстремистском или террористическом сообществе, организации либо незаконном вооруженном формировании предполагает вхождение лица в структуру с соответствующим умыслом[2]. Для террористического и экстремистского блока показательно, что склонение, вербовка или иное вовлечение Пленум Верховного Суда Российской Федерации рассматривает как оконченное преступление с момента совершения соответствующих действий, независимо от того, приняло ли вовлекаемое лицо фактическое участие в запрещенной деятельности[3]. Поэтому юридически неверно подменять акт противоправного привлечения уже состоявшимся участием, как и, наоборот, рассматривать любое участие как доказательство предшествующего найма. Для доказывания найма необходимо устанавливать не просто факт последующего пребывания лица в запрещенной структуре, а конкретные действия по его возмездному вовлечению: обещание или предоставление блага, содержание договоренности, распределение будущей роли, связь между предоставленным стимулом и согласием на участие. Без установления этих обстоятельств квалификация теряет предметную точность и начинает опираться на предположение о том, что всякое включение в радикальную среду обязательно является результатом найма.

Еще более тонкой является граница между наймом и финансированием. Денежные средства могут использоваться как для склонения лица к участию, так и для материального обеспечения уже начатой преступной деятельности. Внешне эти действия сходны, но их уголовно-правовая функция различна. Если средства выполняют роль встречного предоставления за вступление в экстремистскую или террористическую деятельность, то они входят в механизм найма. Если же они направлены на материальное обеспечение уже действующего участника либо на обеспечение соответствующей организации или структуры, речь идет, прежде всего, о финансировании[4]. Следовательно, разграничение должно строиться по цели использования средств и по стадии преступного процесса, на которой они предоставляются. Игнорирование этого критерия создает риск либо двойного вменения, либо, напротив, утраты квалификационно значимого признака.

---

[2] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2011. № 8.

[3] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 февр. 2012 г. № 1 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 4.

[4] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33. Ч. I. Ст. 3418.

Отдельное место занимает соотношение незаконного найма с наемничеством, предусмотренным ст. 359 УК РФ. Классическое наемничество в российском уголовном законе связано с вербовкой, обучением, финансированием, иным материальным обеспечением наемника и его использованием в вооруженном конфликте или военных действиях [4]. Эта конструкция не охватывает автоматически все случаи возмездного вовлечения в террористическую или экстремистскую деятельность вне контекста вооруженного конфликта. Поэтому механическое расширение ст. 359 УК РФ на весь массив идеологизированного насилия методологически неверно. Сфера ее применения ограничена специальным предметом уголовно-правового запрета. Незаконный наем в экстремистских и террористических преступлениях лишь частично пересекается с наемничеством, но не сводится к нему. Иное решение означало бы подмену одного непосредственного объекта уголовно-правовой охраны другим и, как следствие, искажение логики Особенной части.

С криминологической точки зрения незаконный наем следует рассматривать как механизм воспроизводства экстремистской и террористической среды. Однако этот тезис имеет уголовно-правовое значение лишь постольку, поскольку он помогает точнее определить объект запрета и содержание деяния. Преступная опасность найма заключается не в абстрактной аморальности возмездного вовлечения, а в том, что через него создается и поддерживается человеческий ресурс для посягательств на общественную безопасность, основы государственного существования, общественный порядок и иные охраняемые уголовным законом отношения. Иначе говоря, найм опасен не сам по себе, а как способ формирования субъектного состава последующих преступлений и обеспечивающей инфраструктуры радикальных объединений. Именно поэтому при конструировании соответствующего состава необходимо учитывать не только действие по склонению, но и его направленность на воспроизводство организованной насильственной среды.

Сказанное позволяет уточнить и практический узел доказывания. Для вменения незаконного найма недостаточно показать факт коммуникации между организатором и вовлекаемым лицом либо саму принадлежность последнего к запрещенной структуре. Требуется установить совокупность обстоятельств: наличие предложения или обещания встречного блага; противоправную цель вовлечения в экстремистскую или террористическую деятельность; причинную связь между этим стимулом и согласием вовлекаемого; осознание виновным характера той деятельности, в которую он привлекает лицо; конкретную функцию, к выполнению которой субъект подготавливается или включается. Такой стандарт доказывания важен и для отграничения найма от идеологической агитации, и для исключения расширительного толкования уголовного закона.

Из действующего регулирования вытекает общий вывод о его нормативной фрагментарности. Закон отдельно описывает вербовку в террористической сфере, отдельно – вовлечение в экстремистские объединения, отдельно – финансирование, участие, содействие и наемничество в вооруженном конфликте. Эти нормы не образуют стройной системы в той части, в какой речь идет именно о возмездном противоправном привлечении лица к идеологизированной насильственной деятельности. В результате один и тот же фактический комплекс может получать разную квалификацию в зависимости от того, на каком элементе поведения сосредоточится правоприменитель: на обещании выгоды, на факте склонения, на включении в организацию, на передаче денег или на последующем использовании привлеченного лица.

При таком положении представляется обоснованным более последовательное нормативное оформление незаконного найма как самостоятельной формы преступного вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность. Такая конструкция должна описывать не любое склонение за вознаграждение, а именно противоправное привлечение лица к совершению экстремистского или террористического преступления, к участию в соответствующем сообществе,

организации, незаконном вооруженном формировании либо к выполнению обеспечивающих функций, если это привлечение осуществляется за вознаграждение, обещание имущественной выгоды, предоставление социальных преимуществ или иного встречного блага. Одновременно законодателю необходимо четко развести этот состав с финансированием, вербовкой без признака возмездности, общими формами соучастия и наемничеством по ст. 359 УК РФ. Иначе введение новой нормы не устранит, а лишь перенесет существующую конкуренцию на иной уровень.

Технологическое развитие современных способов вовлечения также требует учета в уголовно-правовой модели. Незаконный наем все чаще осуществляется дистанционно, с использованием сети Интернет, социальных сетей, иных онлайн-технологий и цифровых инструментов перевода средств[5]. Однако цифровая форма не изменяет юридической природы деяния, она лишь модифицирует способы его совершения и усложняет выявление доказательств. Высокая анонимность цифровых коммуникаций, трансграничная мобильность участников и возможность рекрутирования через закрытые каналы связи делают дистанционный наем одной из наиболее удобных форм современной экстремистско-террористической мобилизации [5, с. 184]. Именно поэтому в научной литературе обоснованно подчеркивается общий тренд усиления внимания законодателя к коммуникационным сетям как к среде совершения соответствующих деяний [6, с. 283–284]. В связи с этим уголовно-правовое решение должно быть ориентировано не на перечисление отдельных технологий, быстро меняющихся на практике, а на фиксацию функциональных признаков: дистанционность коммуникации, использование цифровой инфраструктуры для предложения встречного блага, координации включения в преступную деятельность и материального обеспечения вовлекаемого лица. Такой подход позволит избежать технологической архаизации нормы.

Наконец, незаконный наем в рассматриваемой сфере требует комплексной реакции и за пределами собственно уголовно-правового конструирования. Поскольку он служит каналом кадрового воспроизводства экстремистских и террористических структур, его пресечение невозможно ограничить наказанием уже вовлеченных лиц. Необходимы раннее выявление каналов рекрутирования, перекрытие финансовой базы, разрушение цифровой инфраструктуры вербовки и точное процессуальное документирование действий по возмездному вовлечению. Однако эти меры имеют для настоящего исследования вспомогательное значение. Их уголовно-правовой смысл состоит в том, что без ясного понимания признаков найма невозможно ни правильно определить предмет доказывания, ни выстроить непротиворечивую систему квалификации.

Таким образом, незаконный наем в механизме экстремистских и террористических преступлений представляет собой не периферийное проявление радикальной преступности, а особую форму преступной мобилизации. Его содержание не исчерпывается ни общим подстрекательством, ни финансированием, ни классическим наемничеством, связанным с вооруженным конфликтом. Юридическое ядро данного явления образует противоправное возмездное вовлечение лица в экстремистскую или террористическую деятельность, ориентированное на создание или пополнение исполнительского и обеспечивающего ресурса соответствующих структур. Действующее уголовное законодательство фиксирует отдельные элементы этого механизма, но не формирует цельной нормативной модели, что порождает конкуренцию норм и затрудняет единообразную квалификацию. В этих условиях совершенствование уголовного закона должно быть направлено на концептуальное выделение незаконного найма как самостоятельной формы

[5] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 28 дек. 2024 г. № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Финансирование вербовки в террористических целях: отчет ФАТФ // Международный учебно-методический центр финансового мониторинга. Москва, 2018. URL: https://mumcfm.ru/index.php/mediateka/international/fatf/otcet-fatf-finansirovanie-verbovki-v-terroristiceskix-celyax?ysclid=mmndk5ffvm154520724 (дата обращения: 12.03.2026).

преступного вовлечения, на четкое отграничение его от смежных составов и на адаптацию законодательной конструкции к современным, в том числе цифровым, способам рекрутирования.

Список источников

1. Петрянин А.В., Богомолов С.Ю., Неганов Д.А. Гибридная война как современный, деструктивный феномен // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19. № 2. С. 300–308.
2. Пшеничнов И.М. Незаконный наем, экстремизм и терроризм как системообразующие феномены криминальной угрозы для мира и безопасности человечества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4(68). С. 154–158.
3. Бешукова З.М. «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица» как альтернативные действия объективной стороны организации экстремистского сообщества // Национальная безопасность. 2016. № 5(46). С. 632–639.
4. Борков В.Н. Уголовно-правовое содержание наемничества (ст. 359 УК РФ) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21-2. С. 6–8.
5. Пшеничнов И.М. Незаконный наем в экстремистских и террористических преступлениях: вопросы взаимообусловленности и противодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2(70). С. 183–188.
6. Петрянин А.В. Экстремистско-террористическая активность в телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет: современное состояние, направления уголовно-правового противодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 1. № 69. С. 282–285.

References

1. Petryanin A.V., Bogomolov S.Yu., Neganov D.A. Gibridnaya vojna kak sovremennyj, destruktivnyj fenomen // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2024. T. 19. № 2. S. 300–308.
2. Pshenichnov I.M. Nezakonnyj naem, ekstremizm i terrorizm kak sistemoobrazuyushchie fenomeny kriminal'noj ugrozy dlya mira i bezopasnosti chelovechestva // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2024. № 4(68). S. 154–158.
3. Beshukova Z.M. «Sklonenie, verbovka ili inoe vovlechenie lica» kak al'ternativnye dejstviya ob"ektivnoj storony organizacii ekstremistskogo soobshchestva // Nacional'naya bezopasnost'. 2016. № 5(46). S. 632–639.
4. Borkov V.N. Ugolovno-pravovoe soderzhanie naemnichestva (st. 359 UK RF) // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2021. № 21-2. S. 6–8.
5. Pshenichnov I.M. Nezakonnyj naem v ekstremistskih i terroristicheskih prestupleniyah: voprosy vzaimoobuslovlennosti i protivodejstviya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025. № 2(70). S. 183–188.
6. Petryanin A.V. Ekstremistsko-terroristicheskaya aktivnost' v telekommunikacionnyh setyah, v tom chisle seti Internet: sovremennoe sostoyanie, napravleniya ugolovno-pravovogo protivodejstviya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025. T. 1. № 69. S. 282–285.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 26.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 26.03.2026; accepted for publication 27.03.2026.

Информация об авторе
И.М. Пшеничнов – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 603081, г. Н. Новгород, ул. Краснозвездная, 5).

Information about the author
I.M. Pshenichnov – Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Nizhny Novgorod branch of the SK RF SPb Academy (Russia, 603081, Nizhny Novgorod, Krasnozvezdnaya St., 5).